

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 133–140.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 133–140.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.012

Коммуникация как основание легитимности

Игнатъева Ольга Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

Аннотация. Демократизация общества и развитие информационно-коммуникационных технологий в эпоху интернета делает актуальным рассмотрение коммуникативных аспектов как оснований легитимности современной власти. Коммуникация делает возможным политическое участие граждан в принятии ряда политических решений, а использование цифровых платформ позволяет расширить количество вовлеченных в такие процессы. Целью данной статьи является концептуализация коммуникации как основания легитимности современной власти в информационном обществе на основе анализа работ представителей нео- (Ю. Хабермас) и постмарксизма (М. Кастельс). В статье проведен анализ основных работ Ю. Хабермаса и М. Кастельса, относящихся к проблематике современных властных отношений, среди которых целесообразно упомянуть «Теорию коммуникативной деятельности», «Моральное сознание и коммуникативное действие», «Постнациональная констелляция и будущее демократии», «Власть коммуникации», «Галактика Интернет», «Власть идентичности». Исследование носит теоретический характер. В работе использован системный подход, позволяющий осуществить критический анализ концепций власти представителей обновленного марксизма, общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративистский метод. Анализ работ Ю. Хабермаса позволяет утверждать, что коммуникация внутри общества и между обществом и властью становится важным основанием легитимности в современных условиях. Однако это не только формальная кодифицированная коммуникация, но и общение как среди населения, так и между населением и чиновниками, которое может быть легитимировано разделяемыми нормами морали. М. Кастельс выходит за пределы физического взаимодействия, отводя важное значение онлайн-коммуникации между обществом и властью. Однако именно сеть, по мнению ученого, ставит под угрозу легитимность власти в современном национальном государстве. Современная теоретическая социология и политология выносит на повестку дня вопросы о концептуализации легитимности власти в условиях деглобализации на уровень всемирно признанных ученых.

Ключевые слова: коммуникативное действие, жизненный мир, система, самость, интересубъективность, мораль, сетевое общество, сетевое государство, власть, контрвласть, легитимность, Ю. Хабермас, М. Кастельс

Для цитирования: Игнатъева О. А. Коммуникация как основание легитимности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 133–140. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.012>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

COMMUNICATION AS THE BASIS OF LEGITIMACY

Olga A. Ignatjeva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

Abstract. Democratization of society and development of information and communication technologies in the Internet era make it relevant to consider communication aspects as the basis for the legitimacy of modern power. Communication makes possible the political participation of citizens in making a number of political decisions, and the use of digital platforms allows to expand the number of people involved in such processes. The purpose of this article is to conceptualize communication as the basis for the legitimacy of modern power in the information society based on the analysis of the works of representatives of neo- (Julius Habermas) and post-Marxism (M. Castells). The article analyzes the main works of J. Habermas and M. Castells related to the problems of modern power relations, among which it is appropriate to mention “Theory of Communicative Activity”, “Moral Consciousness and Communicative Action”, “Post-National Constellation and the Future of Democracy”, “The Power of Communication”, “The Internet Galaxy”, “The Power of Identity”. The study is theoretical in nature. The work uses a systematic approach that allows for a critical analysis of the concepts of power of the representatives of renewed Marxism, general scientific methods of analysis and synthesis, as well as a comparative method. An analysis of the works of J. Habermas allows us to assert that communication both within society and between society and power is becoming an important basis for legitimacy in modern conditions. However, this is not only formal codified communication, but also communication both among the population and between the population and officials, which can be legitimized by shared moral standards. M. Castells goes beyond physical interaction, assigning great importance to online communication between society and power. However, it is the network, according to the scientist, that threatens the legitimacy of power in a modern nation state. Modern theoretical sociology and political science brings to the agenda issues of conceptualizing the legitimacy of power in the context of deglobalization at the level of world-renowned scientists.

Keywords: communicative action, lifeworld, system, self, intersubjectivity, morality, network society, network state, power, counterpower, legitimacy, J. Habermas, M. Castells

For citation: Ignatjeva O. A. Communication as the basis of legitimacy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 133–140. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.012>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В условиях цифровизации современного общества и власти особую роль в легитимации власти начинают играть коммуникативные аспекты отношений. Прежние основания легитимности, введенные позитивистскими теориями М. Вебера и Д. Истона или ценностно-нормативной теорией Дж. Ролза уступают место доверию между гражданами и властью, основанному на диалоге, который влияет на большую вовлеченность населения в вопросы публичной политики и выстраивания взаимопонимания с властью. Развитие информационно-коммуникационных технологий с появлением интернета во второй половине XX в. еще в большей степени обусловило необходимость изучения коммуникативных аспектов отношений власти и общества. Среди широкого спектра работ, посвященных легитимности, с момента появления данной проблематики в научном дискурсе, вопросами коммуникации как основания легитимности заняты в основном представители нео- и постмарксизма, такие как Ю. Хабермас и М. Кастельс. Если Хабермас в своей теории коммуникативного действия анализирует легитимность, основанную на коммуникации, в отрыве от процессов цифровизации и виртуализации, происходящих в современном обществе, то М. Кастельс изучает коммуникацию как основу власти в контексте использования информационно-коммуникационных технологий, что выражается в появлении концепций сетевого общества

и сетевого государства. Цель данной статьи заключается в концептуализации коммуникативных оснований легитимности власти в информационном обществе на основе анализа работ нео- и постмарксистов.

Основная часть

Впервые вопрос о важности коммуникации как основы доверия современной власти поставил представитель молодого поколения Франкфуртской школы Ю. Хабермаса. Интерес к данной проблематике у немецкого ученого был вызван не только объективными, но субъективными причинами, поскольку последний испытывал сложности в общении со своими сверстниками. Неудивительно, что основой его теории коммуникативного действия стало обращение к работам Г. Мида с его идеями интерессубъективности и самости. Г. Мид понимал интерессубъективность как отношение индивида к самому себе просто на более высоком уровне субъектности. «Мы, особенно с помощью голосовых жестов, постоянно вызываем в себе те реакции, которые вызываем у других людей, так что мы принимаем позиции других людей в свое собственное поведение» [15, с. 69]. В отличие от своего предшественника, Ю. Хабермас полагает, что интерессубъективность позволяет посмотреть на себя с позиций обобщенного другого, это выражается в том, что «структура усвоения отличается от структуры отражения противоположным направлением сознания: самость относится к себе самой не в результате того, что она делает себя объектом, но опознавая отчужденное субъективное во внешнем объекте, в схеме действия или в схеме отношения» [7, с. 422].

Для реализации задач интерессубъективности Хабермас придает особое значение пропорционально дифференцируемому языку и, вслед за Г. Мидом, жестам, значение которых можно распознать благодаря предварительной договоренности или в процессе коммуникации. Следуя идеям Витгенштейна [18, с. 44], Хабермас предлагает разработать соглашения о значении символов. Ошибки в понимании правила (соглашения) могут быть раскритикованы и исправлены в процессе интерессубъективной коммуникации.

Развивая идеи Мида, Хабермас дополняет его две концепции о роли социализации и координации в обществе концепцией взаимопонимания как восприятия и реакции на волю коллективного обобщенного другого. Также Хабермас в своей теории коммуникативного действия уделяет особое внимание на различении своей и чужой воли в процессе коммуникации.

Еще одной значимой идеей Мида, которая используется в работе Хабермаса, является концепция самости, формирующаяся в процессе социализации: «Мы хотим отличить самость как некий структурный процесс в поведении формы, от того, что мы называем сознанием объектов, которые переживаются» [15, с. 165]. Структура самости Мида состоит из элементов Me и I, отражающих индивидуальные особенности и установки общества, воспринятые личностью. Хабермас идет дальше. Он наделяет I способностью к самореализации и индивидуации через процессы социализации.

В своей теории коммуникативного действия Хабермас опирается и на идеи о морали Э. Дюркгейма: «Дюркгейм в течение всей своей жизни стремился прояснить нормативную значимость институтов и ценностей, но только в позднем творчестве, увенчанном в 1912 г. книгой по социологии религии, ему удалось раскрыть сакральные корни морального авторитета социальных норм» [7, с. 461]. Дюркгейм понимал моральные правила как обязанность повиноваться моральному авторитету [10, с. 38]. Хабермас, подобно Дюркгейму, связывает подчинение морали с необходимым членством в группе, где авторитет является нечто, что стоит выше нас и при этом находится внутри нас, заставляя соизмерять наши поступки с его императивами.

Хабермас снова делает акцент на важности использования языка в процессе коммуникации и в принятии установок морального авторитета, критикуя за то, что этот феномен был упущен в анализе Дюркгейма: «Игнорирование измерения языкового взаимопонимания объясняется также тот неудовлетворительный дуализм, который Дюркгейм утверждает для соотношения индивидуума и общества. Субъект, как ему представляется, распадается на две гетерогенные составные части, а именно –

на не-социализированную часть, подчиненную собственным интересам и императивам, с одной стороны, и на отчужденную групповой идентичностью моральную составную часть – с другой» [7, с. 464]. Хабермас рассматривает понятие истины, возникающей в процессе коммуникации как результат соглашения о фактах, рождающихся на основании объективного опыта.

Сама идея важности коммуникации в современной публичной политике обоснована Хабермасом в теории коммуникативного действия, базирующейся на двух концептах – жизненного мира, имеющего отсылку к Г. Миду, и системы, берущей начало в макросоциологических концепциях, например у Лумана. В отличие от своих предшественников, Хабермасу удалось соединить эти два мира, и соединил их он с помощью концепта коммуникативного действия. Разрабатывая концепт жизненного мира, немецкий социолог обращается к феноменологическим идеям А. Шюца, согласно которым существование в данном пространстве является личным опытом и сопереживанием другого в рамках повседневного существования [17, с. 20]. Однако Шюц, подобно Миду, недооценивал влияние языка в процессе коммуникации, что не позволило им выйти за пределы повседневности. Хабермас справился с этим недостатком. Для него жизненный мир становится контекстом, в котором общение и действия позволяют лучше понять друг друга, сформировать жизненный опыт и способствовать формированию солидарности. Находиться в ситуации, значит, понимать, какие действия приемлемы, а какие – нет, значит, понять правильную интерпретацию фактов и ограничения коммуникации [7, с. 544]. Мы можем занимать пассивную роль в процессе коммуникации, когда оказываемся в знакомой ситуации, а можем быть активны и проникательны, когда встречаемся с чем-то новым. Еще одной проблемой в интерпретации ситуации может быть нехватка опыта, и тогда именно коммуникация с другими приходит нам на помощь, поэтому жизненный мир становится резервуаром знаний, позволяющим нам ориентироваться в повседневной жизни и обеспечивающий основу для социализации.

В отличие от жизненного мира, система представляет собой упорядоченную совокупность формальных институтов взаимодействие, с которыми кодифицировано. Хабермас отступает от теории Лумана, согласно которой все социальные системы атопозийны и независимы [3, с. 22–23]. Система, по Хабермасу, рождается путем рационализации жизненного мира и вытеснения ее в окружающий мир, который уже не является частью жизненного мира [8, с. 607]. В отличие от жизненного мира, системы характеризуются наличием функционального, а не коммуникативного взаимодействия. Однако, согласно Хабермасу, для поддержания легитимности современных систем необходимо, чтобы они были открыты для повторной легитимации: «Система упорядочивающих функций должна быть перетолкована в систему верховных контрольных показателей или финальных структур таким образом, чтобы она – как мир супраэмпирических сущностей – могла взаимодействовать с другими мирами: с физико-химическим, с органическим и с социокультурным миром» [7, с. 687]. В качестве примера системы, отделенной от жизненного мира, Хабермас приводит сферу государственного управления, в которой власть выполняет коллективную волю граждан. Мы доверяем власти, если она действует в соответствии с законом и является легитимной, выполняя требования этих законов и соблюдая интересы граждан. Хабермас в своей работе также поднимает проблему вторжения системы в сферу жизненного мира граждан, называя это колонизацией системой жизненного мира. Иллюстрацией данного феномена является стремление власти вмешиваться, например, в семейные отношения или диктовать правила поведения индивидов в рамках их жизненного мира. Преодоление диктата формальных правил, формируемых системой в процессе кодификации, возможно только путем осуществления коммуникации между населением и чиновниками в случае соприкосновения этих двух миров.

Хабермас отдельно рассматривает коммуникацию как способ взаимосвязи жизненного мира и системы, основанную на нормах закона и морали, которые делают действия власти легитимными в глазах населения. Легитимность власти в современном

обществе основана на коллективной воле, коммуникативно оформленной и проясненной дискурсивно в сфере публичной власти, поэтому «законы нуждаются в intersubъективном признании со стороны граждан государства, они должны быть легитимизированы в качестве легальных» [7, с. 612]. Именно политическая публичная сфера является основой для интеграции коллективной воли в современном обществе, усиливая социальную интеграцию на основе норм.

Мораль выступает дополнительными скрепами, усиливающими связь между жизненным миром и системой. Именно мораль, по мнению Хабермаса, влияет на легитимность коллективного договора, если она выражает общую волю. При этом законы могут порождать доверие к ним только с позиций intersubъективности моральной теории дискурса. Однако мораль связана у Хабермаса не только с законом, но и с политической властью. Посягательства власти на общественную мораль может привести к разрыву легитимности, что связано либо злоупотреблением бюрократией властными полномочиями, либо чрезмерным инструментальным использованием права. Для преодоления проблем легитимности современной власти Хабермас предлагает беспристрастную процедуру обоснования принципов коммуникации, которую он называет дискурсом [12]. Немецкий социолог полагает, что только те нормы права и морали обладают легитимной силой, которые разделяются участниками в процессе равноправного, неиерархического и неавторитарного дискурса [5, с. 107].

Таким образом, в теории Хабермаса легитимность власти формируется в процессе неавторитарного, равноправного дискурса, основанного на разделяемых нормах морали и права и связывающего представителей жизненного мира и системы на основании коммуникативного действия. При этом легитимность включает как волю индивидов, так и систему, что означает, что «воля позволяет себя связать моральным пониманием» [13, с. 34]. Право, в свою очередь, гарантирует свободу действий субъекта как в жизненном мире, так и в сфере системы, в котором она выступает гарантией свобод гражданина. В теории Хабермаса легитимность формируется на основе коммуникативного консенсуса посредством intersubъективного признания обоснованности, семантики, грамматики и логики [6, с. 163].

М. Кастельс, представитель постмарксизма, продолжил изучение коммуникативных аспектов власти применительно к информационному обществу. Его основные работы датированы последним десятилетием XX в. и нулевыми годами нового тысячелетия. Коммуникация рассматривается в тесной связи с интернетом и информационно-коммуникационными технологиями, которые предоставили новые возможности для взаимодействия общества и власти и превратили мир в глобальную деревню [14, с. 15]. Ему принадлежат две ключевые концепции, характеризующие коммуникативные аспекты информационной эпохи – это сетевое общество и сетевое государство.

Концепт сетевого общества связан с созданием виртуальной реальности, связывающей пользователей всего мира посредством информационно-коммуникационных технологий: «Сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [1, с. 70]. Согласно М. Кастельсу, виртуальное сообщество представляет собой электронную сеть интерактивных коммуникаций вокруг разделяемых интересов и целей, где коммуникация становится целью самой по себе [9, с. 386]. Иногда общение в сетевом сообществе может перейти в реальное с дружескими встречами и возможностью одолжить деньги или получить какую-либо другую помощь. В работе «The power of Identity» (2010) Кастельс поднимает проблему цифрового разрыва, когда в обществе есть полноценные граждане с доступом в интернет и те, кто такого доступа лишен [8, с. 416].

Кастельс рассматривает власть в сетевом обществе как реляционную характеристику взаимодействующих субъектов по типу «господство – подчинение». Социологи говорят о четырех типах власти в сетевом обществе: сетевая власть, власть сети, власть в сети, сетесозидающая власть [1, с. 89]. Сетевая власть принадлежит акторам, конструирующим глобальное ядро власти. Власть сети характеризуется стандартами глобальной коммуникации. Центральные игроки сети обозначены термином власть

в сети. Сетесозидающая власть характеризуется деятельностью программистов и переключателей сети, обеспечивающих бесперебойную коммуникацию.

Коммуникативная теория власти М. Кастельса основана на идеях теории дискурса М. Фуко [4, 145–147], коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса [11, с. 359–361], положениях власти «над» и «для» Т. Парсонса [16, с. 232–262]. Кастельс говорит, что информационно-коммуникационные технологии усиливают не только возможности официальной власти в сетевом обществе, но и создают основу для формирования контрвласти в сети, к которой можно отнести деятельность гражданского общества и функционирование общественных движений, а также возникновения ядер сети, делающих возможным координацию митингующих во время цветных революций [1, с. 95]. Таким образом, по Кастельсу, власть в сети – это коммуникационная власть.

Особую роль в осуществлении власти и обеспечения ее легитимности Кастельс отводит информационной политике – политике СМИ. По мнению испанского социолога, и СМИ, и политики должны быть теперь более изощренными. СМИ должно иметь доверие со стороны граждан, чтобы оставаться на плаву, и при этом они должны быть близки к власти предрержащим, чтобы иметь доступ к источникам информации. Политики должны быть интересны обществу, поскольку последнее «покупает» не их программы, а их образ, харизму [2, с. 185]. Политики пытаются выстраивать отношения непосредственно с гражданским обществом через СМИ. Часто новые медиа становятся инструментом привлечения электората для оппозиционных политиков. В нулевые годы особую роль во взаимоотношениях между обществом и властью играть медиамагнаты, которые теперь используют не только традиционные СМИ, но и интернет-платформы.

Кастельс также вводит понятие сетевого государства, в котором акторами сети являются не только правительства соответствующих национальных государств, но и надправительственные (ООН, НАТО) и общественные организации локального, регионального уровня, взаимодействующие между собой в глобальном масштабе. Существование сетевого государства ставит под вопрос суверенитет национального государства, так как оно находится в прямой зависимости от других акторов сети. «Сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предыдущей формой национального государства» [1, с. 86]. Хабермас полагает, что на данном этапе развития общества возможно космополитическое управление и существование международного правительства [5, с. 147], однако Кастельс спорит с ним. Испанский ученый приводит данные социологического исследования, проведенные на выборке населения из разных стран Запада, согласно которым для них в первую очередь важны интересы национального государства [8, с. 346]. Сегодня, по мнению Кастельса, полным суверенитетом в сетевом государстве обладает только США, остальные же страны вынуждены лавировать и подчиняться интересам гегемона, чтобы не быть исключенными из сети. Очевидно, что только сильное государство может позволить выйти из сложившегося сетевого государства и попробовать создать параллельную сеть, чтобы защитить свои национальные интересы. Сегодня этот феномен можно наблюдать на примере действий Российской Федерации, исключенной из глобального сетевого государства и осуществляющей строительство новой сети при поддержке стран глобального Юга.

По мнению Кастельса, взаимоотношения между государством и обществом опосредованы четырьмя важными процессами: господства – подчинения, легитимации, развития и перераспределения [8, с. 361]. В своих работах Кастельс уделяет особое значение второму процессу – проблемам легитимности власти в современном сетевом обществе. Во-первых, речь идет об отсутствии полного суверенитета у национальных государств в сетевых условиях. Во-вторых, государство всеобщего благосостояния, которое долгое время было оправданием доминирования политических элит в странах Запада, теперь не может быть основой легитимации в условиях всепроникающих

связей транснациональных корпораций. В-третьих, доминирование локальных сообществ, возможность их трансграничных взаимосвязей также ослабляет власть национального государства. В-четвертых, политика скандалов, осуществляемая новыми и старыми медиа, по мнению Кастельса, также ставит под угрозу легитимность власти в современном информационном обществе [8, с. 359].

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрены основные подходы к коммуникации как основанию легитимности, разработанные представителями обновленного марксизма. И если Хабермас рассматривает коммуникативное действие как необходимое условие взаимосвязи жизненного мира и системы, как обеспечение доверия и признания полномочий правящей элиты с учетом морального аспекта и грамматического языка, то Кастельс идет дальше, анализируя коммуникацию в сетевом обществе и сетевом государстве, опосредованную информационно-коммуникационными технологиями, выраженными в глобальном доминировании интернета. Испанский социолог говорит о том, что именно сеть ставит под вопрос легитимность в современном национальном государстве, ограничивая его суверенитет и увеличивая власть общественных организаций, которые теперь могут взаимодействовать трансверсально, а также транснациональных медиамагнатов. Важным выводом из работ М. Кастельса является то, что сильные государства могут попробовать создать свое сетевое государство, чтобы противостоять давлению центрального актора в уже сложившемся глобальном сетевом государстве. Этот процесс можно сегодня наблюдать в деятельности руководства Российского государства. Кастельс принял эстафету от Хабермаса, однако и его идеи уже несколько отстают от требований времени, так как на смену глобализации приходят процессы деглобализации, когда национальные государства начинают задумываться о сохранении государственного суверенитета и защите своих интересов. Следовательно, сегодня перед наукой стоит вопрос концептуализации легитимации политической власти в современных реалиях на уровне Хабермаса и Кастельса, т. е. всемирно признанных ученых.

Список литературы

1. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – Москва : Высшая школа экономики, 2020. – 591 с.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория; Гуманитарный ун-т, 2004. – 327 с.
3. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – Москва : Логос, 2007. – 360 с.
4. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва : Ad Marginem 1999. – 480 с.
5. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 379 с.
6. Хабермас, Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. – 2003. – № 4–5 (39). – С. 105–152.
7. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – Москва : Весь мир, 2022. – Т. 2: К критике функционалистского разума. – 878 с.
8. Castells, M. The Power of Identity / M. Castells. – Edinburgh : Blackwell Publ., 2010. – Vol. 2. – 538 p.
9. Castells, M. The rise of the network society / M. Castells. – Edinburgh : Blackwell Publ., 2010. – Vol. 1. – 597 p.
10. Durkheim, E. Sociology and Philosophy / E. Durkheim. – New York : Routledge, 2009. – 51 p.
11. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1996. – 676 p.
12. Habermas, J. Entgegnungen / J. Habermas // Kommunikatives Handeln. Beiträge zu Jürgen Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns / A. Honneth, H. Joas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1986. – 521 S.
13. Habermas, J. The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory / J. Habermas. – Cambridge : MIT Press, 2000. – 338 p.
14. McLuhan, M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man / M. McLuhan. – Toronto : University of Toronto Press, 1962. – 294 p.

15. Mead, G. *Mind, self and society: from the standpoint of a social behaviorist* / G. Mead. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1972. – 401 p.
16. Parsons, T. On the Concept of Political Power // *Proceeding of the American Philosophical Society*. – 1963. – Vol. 107, № 3. – P. 232–262.
17. Schutz, A. *Collected Papers: Studies in Social Theory* / A. Schutz. – Hague : Matinus Nijhoff, 1976. – Vol. 1. – 300 p.
18. Travis, Ch. *Uses of Sense: Wittgenstein's Philosophy of Language* / Ch. Travis. – New York : Oxford University Press, 2001. – 400 p.

References

1. Castells, M. *Vlast komunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: Higher School of Economics; 2020, 591 p.
2. Castells, M. *Galaktika Internet* [Internet Galaxy]. Ekaterinburg: U-Factoria, Humanitarian University; 2004, 327 p.
3. Luhmann, N. *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to systems theory], Moscow: Logos; 2007, 360 p.
4. Foucault, M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [To supervise and to punish. The birth of prison]. Moscow: Ad Marginem; 1999, 480 p.
5. Habermas, J. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka; 2000, 379 p.
6. Habermas, J. Postnatsionalnaya konstellyatsiya i budushchee demokratii [Post-national constellation and the future of democracy]. *Logos*. 2003, no. 4–5 (39), pp. 105–152.
7. Habermas, J. *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [Theory of Communicative Activity]. Moscow: Ves mir; 2022, vol. 2, 878 p.
8. Castells, M. *The Power of Identity*. Edinburgh: Blackwell Publ.; 2010, vol. 2, 538 p.
9. Castells, M. *The rise of the network society*. Edinburgh: Blackwell Publ.; 2010, vol. 1, 597 p.
10. Durkheim, E. *Sociology and Philosophy*. New York: Routledge; 2009, 51 p.
11. Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): MIT Press; 1996, 676 p.
12. Habermas, J. *Entgegnungen. A. Honneth, H. Joas. Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1986, 521 p.
13. Habermas, J. *The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory*. Cambridge: MIT Press; 2000, 338 p.
14. McLuhan, M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press; 1962, 294 p.
15. Mead, G. *Mind, self and society: from the standpoint of a social behaviorist*. Chicago and London: The University of Chicago Press; 1972, 401 p.
16. Parsons, T. On the Concept of Political Power. *Proceeding of the American Philosophical Society*. 1963, vol. 107, no. 3, pp. 232–262.
17. Schutz, A. *Collected Papers: Studies in Social Theory*. Hague: Matinus Nijhoff; 1976, vol. 1, 300 p.
18. Travis, Ch. *Uses of Sense: Wittgenstein's Philosophy of Language*. New York: Oxford University Press; 2001, 400 p.

Информация об авторе

Игнатьева О. А. – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

Ignatyeva O. A. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.